

MAY 23 1913

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номер. по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No 9 Vol. XVII. NEW YORK, May 14. 1913, 1 Май 1913 г No. 9.

For English Text see page 210.

АРХИПАСТЫРСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Сердечно благодарю всѣхъ пастырей и пасомыхъ нашей св. Миссіи, почтившихъ меня ко дню моего Ангела своимъ привѣтомъ и добрыми пожеланіями, а также доставившихъ мнѣ высокое духовное утѣшеніе своими пасхальными поздравленіями.

Со своей стороны, привѣтствуя ихъ, равно какъ и всю нашу св. Миссію, съ свѣтлыми днями св. Пасхи, молитвенно желаю всѣмъ отъ Господа Бога всѣхъ благъ яже къ животу и благочестію.

Воскресшій Господь да споспѣшествуетъ присно всѣмъ членамъ св. Миссіи нашей въ ихъ жизни, въ ихъ трудахъ и заботахъ о личномъ и общественномъ (русскомъ) благѣ.

АРХІЕПИСКОПЪ ПЛАТОНЪ.

МОЛИТВА

Священномученику Ермогену, Патріарху Московскому и всея Россіи, Чудотворцу.

О великій угодниче Христовъ, святителю отче нашъ Ермогене! Къ тебѣ, молитвеннику теплomu и предстателю предъ Богомъ непостыдному, усердно притекаемъ, въ нуждахъ и скорбехъ нашихъ утѣшенія и помощи просяще. Въ древнюю годину искушеній, внегода обышедше обыдоша страну нашу нечестивіи врази, Господь яви тя церкви своей столпа непоколебима и людемъ россійскимъ пастыря добра, душу свою за овцы положивша и лютыя волки далече отгнавша. Нынѣ убо призри и на ны, недостойная чада твоя, умиленною душею и сокрушеннымъ сердцемъ тебе призывающыя. Крѣпость бо наша въ насъ оскудѣ, и вражія ловленія и сѣти обыдоша

насъ. Помози намъ, заступниче нашъ! Утверди насъ въ вѣрѣ святѣй: научи насъ всегда творити заповѣди Божія и вся преданія церковная, отъ отецъ намъ заповѣданная. Укрѣпи благовѣрнаго царя нашего, Богомъ намъ даннаго, и научи насъ любить его нелицемѣрно. Пастыремъ нашимъ буди архіпастырь, воиномъ вождь духовный, болящимъ врачъ, печальнымъ утѣшитель, гонимымъ заступникъ, юнымъ наставникъ, всѣмъ же благосердый отецъ и за вся теплый молитвенникъ: яко да молитвами твоими ограждаеми, непрестанно воспоемъ и прославимъ всесвятое имя живоначальная тройцы, отца и сына и святаго духа, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропарь, гласъ 4:

Россійскія земли первопрестольниче и неусыпный о ней къ Богу молитвенниче, за вѣру Христову и паству твою душу свою положивъ, державу царей нашихъ утвердилъ еси и страну нашу отъ нечестія избавилъ еси. Тѣмже вопіемъ ти: спасай насъ молитвами твоими, священномучениче Ермогене, отче нашъ.

Кондакъ, гласъ 6:

Темницею и гладомъ изнуряемъ, даже до смерти вѣренъ пребылъ еси, блаженне Ермогене, малодушіе отъ сердець людей твоихъ изгоняя и на общій подвигъ вся призывая. Тѣмже и нечестивыхъ мятежъ низложилъ еси и скиптры царства утвердилъ еси, да вси зовемъ ти: радуйся, заступниче россійскія земли.

Святителю Отче Ермогене, моли Бога о насъ!

Слово на Великую Пятницу,

сказанное

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ
Архіепископомъ ПЛАТОНОМЪ, при выносѣ Плащаницы.

«Блаженнѣ испытующіи свидѣнія Его,
всѣмъ сердцемъ възвѣщуютъ Его» Пс. 116.

Изъ года въ годъ, вотъ уже почти девятнадцатъ столѣтій, святая Церковь возбуждаетъ въ вѣрующихъ христіанахъ эти глубоко-трогательныя, дорогія и священныя, волнующія самыя основы человѣческой природы, Евангельскія воспоминанія. То, къ чему мы, православныя христіане, приросли душою, съ чѣмъ сжились, что считаемъ съ малыхъ своихъ лѣтъ самымъ священнымъ для себя, въ чемъ полагаемъ сущность своей вѣры христіанской, то опять и опять поставляется предъ нашими духовными очами для благоговѣйнаго созерцанія, для возбужденія искреннихъ и сердечныхъ движеній нашей природы. Вчера мы вспоминали постыднѣйшее, совершившееся на землѣ, предательство Кроткаго Учителя гнуснымъ ученикомъ; сегодня св. Церковь предлагаетъ намъ къ воспоминанію наиболѣе злодѣйское дѣло, когда-либо имѣвшее мѣсто въ человѣчествѣ, — осужденіе на распятіе людьми ихъ Бога...

Изъ года въ годъ св. Церковь побуждаетъ насъ, вѣрующихъ во Христа Иисуса, освѣжать въ себѣ эти трогательнѣйшія и священнѣйшія воспоминанія.

Но, спрашивается, зачѣмъ это дѣлается? Неужели безъ этихъ напоминаній Церкви мы не будемъ помнить о нашемъ Спасителѣ? Неужели эти напоминанія смогутъ прибавить что-либо новое, прежде неизвѣстное намъ изъ послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа? Неужели безъ этихъ напоминаній мы такъ вотъ и забудемъ, смо-

жемъ забыть своего Божественнаго Учителя, своего Спасителя... О, какъ это было бы безконечно печально...

И, не смотря на то, что я боюсь, какъ бы не обидѣть кого-либо изъ присутствующихъ здѣсь вѣрующихъ христіанъ, боюсь, какъ бы не показаться слишкомъ рѣзкимъ въ словѣ своемъ, я принужденъ сказать, что мы всѣ, сколько насъ ни собралось сегодня возлѣ этой священной для насъ гробницы Учителя нашего, должны чистосердечно сознаться: да, какъ ни горько это признать, но безъ напоминаній мы бы забыли о своемъ Господѣ... Церковь всѣ средства употребляетъ къ тому, чтобы изъ года въ годъ возобновить въ насъ наши священнѣйшія чувствованія къ нашему Спасителю, приблизить насъ къ Нему, дать намъ яснѣе и полнѣе ощутить ту глубину человѣческаго зла, до которой дошли люди въ преданіи на крестъ Христа, но вмѣстѣ и ту высоту человѣческихъ добрыхъ качествъ, какая открывается въ этомъ величественномъ скорбномъ событіи—смерти Христа на крестѣ.

Картина зла и добра въ этомъ событіи поразительна по яркости, выпуклости и, скажу, неизгладимости.

Вотъ предъ нами безсердечные, безсовѣстные законовѣды и архіереи, съ холодною расчитанностью рѣшающіе погубить Праведника. Вотъ потерявшій вѣру во всякую возможность узнать истину, мелкій въ своемъ тщеславіи, латинскій скептикъ преторъ. Вотъ и эта несносная, шумная и неразумная, безвольная и одичавшая, еврейская толпа,

вмѣсто того, чтобы продолжать взывать и пѣть постоянно: «осанна» своему Царю, теперь безумно кричащая: «распи, распи Его». Вотъ и этотъ несчастный, предавшійся сатанѣ, недостойный ученикъ, изъ за гнусной прибыли продающій на смертную казнь своего Учителя... Какая бездна безотраднaго чeлoвѣческаго паденія въ зло. Сколько мрачныхъ свойствъ испорченной чeлoвѣческой природы...

Но вотъ предъ нами выступаютъ и другія лица: Корнилій Сотникъ, благоразумный разбойникъ, любимый ученикъ Спасителя, Иосифъ съ Никодимомъ, Жены Мироносицы..... О, какъ богата природа чeлoвѣческая добромъ. Боже, какъ счастливы мы, что въ людской грѣшной средѣ могутъ быть такіа лица. И въ томъ ужасѣ, въ томъ безпросвѣтномъ мракѣ, сгущенномъ злобою неистовствующей у Креста толпы, нашлись свѣточи добра, любви, взирая на которыхъ душа наша отдыхаетъ и преисполняется трепетнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ глубочайшаго почтенія и духовнаго восторга.

Но зачѣмъ св. Церковь выставляетъ тѣхъ и другихъ опять и опять предъ сознаніе вѣрующихъ христіанъ. Чего она желаетъ этимъ достигнуть?

Я не думаю отвѣтомъ на эти вопросы, православные слушатели мои, сказать что-либо новое для васъ. Мой отвѣтъ тотъ, какой всегда дается вѣрующимъ у этой священной для всѣхъ насъ гробницы. Св. Церковь напоминаетъ о смерти Христа на крестѣ заставляетъ всѣхъ насъ подумать... Здѣсь совершилась великая тайна. Совершилось то, виною чему правосудіе Божіе и—неправда чeлoвѣческая. Совершилась жертва, самопреданіе Богочеловѣка для утоленія правды Божіей и уничтоженія вѣковѣчной неправды чeлoвѣческой. Правда Божія и неправда чeлoвѣческая въ своемъ сочетаніи дали то, результатомъ чего явилась эта печальная гробница, эта смерть

Неповиннаго Страдальца, Богочеловѣка, вѣнца всего чистаго и добраго на землѣ.

То, что совершилось тогда и вспоминается нами нынѣ здѣсь, есть обличеніе и указаніе намъ, христіанамъ. Церковь предлагаетъ намъ всѣмъ подумать... Подумать надъ тѣмъ, не грѣшнѣ ли мы тѣхъ злодѣевъ, какіе привели нашего Спасителя въ могилу черезъ постыдную крестную смерть...

Тамъ потерявшіе совѣсть книжники продали Христа. Но не продаемъ ли и мы Его сами своимъ невниманіемъ къ Его ученію, своимъ беззастѣнчивымъ нарушеніемъ Его святыхъ заповѣдей... Св. Ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ евреямъ: «Невозможно—однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ, опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему» (Евр. 6, 4—6). Читайте 6-ю главу посланія къ евреямъ. Читайте внимательно, и вы убѣдитесь, что христіанинъ, нарушающій заповѣди Божіи, гораздо преступнѣе чeлoвѣка ветхозавѣтнаго. Тѣ продали, осудили и распяли Христа: но они не имѣли благодати обновляющей въ таинствѣ крещенія. Тѣ не хотѣли знать Христа, какъ Мессію: но они же не получили яснаго свидѣтельства о Божествѣ Сына Божія воплотившагося, какое имѣемъ мы, увѣровавшіе во Христа и удостоенные общенія съ Нимъ въ таинствѣ Причащенія. Тѣ безумно требовали казни своего Господа: но они не имѣли руководства благодати Божіей, какое имѣемъ мы въ Церкви чрезъ апостольски правильно совершаемое таинство священства. Тѣ всѣ и даже Иуда съ его предательствомъ—дѣйствовали почти безсознательно, еще не отличая тѣни отъ дѣйствительности, еще ясно не зная сами, что они и для чего и почему все это дѣлаютъ. А мы, когда совершаемъ грѣхъ предательства Христа, уже не можемъ оправдывать себя непонима-

ніемъ, незнаніемъ, недостаточностью свидѣтельствъ о томъ, что поступки наши постыдны, преступны, грѣшны. Видите сами, христiane, что приговоръ надъ нами долженъ получиться — къ ужасу нашему — далеко суровѣе того, какой получили тѣ, несчастные, постыдные злодѣи, которыхъ мы вспоминаемъ съ Церковью сегодня. Настолько суровѣе долженъ быть этотъ приговоръ надъ нами, что даже—страшно сознаться—даже таинство покаянія можетъ оказаться для насъ недостаточнымъ и неспасительнымъ. Эта ужасная для нашего сознанія мысль заключается въ словахъ св. Ап. Павла въ той же 6-й главѣ его посланія къ евреямъ. Продолжая свою рѣчь, онъ говоритъ: «Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь и произращающая злакъ, полезный тѣмъ, для которыхъ и воздѣлывается, получаетъ благословеніе отъ Бога; а производящая терніе и волчцы—негодна и близка къ проклятію, конецъ котораго—сожженіе» (ст. 7—8). Видите, даже угрозой проклятія или анафемы звучитъ его слово въ отношеніи къ намъ, вѣрующимъ во Христа и уже сознательно согрѣшающимъ противъ Христа... И какъ будто самъ св. Апостолъ убоился сказавши этотъ, повергающій въ бездну отчаянія, суровый свой приговоръ, потому что сейчасъ, произнесши эти слова, онъ поспѣшаетъ сдѣлать оговорку: «Впрочемъ, о васъ, возлюбленные, говоритъ онъ, мы надѣемся, что вы въ лучшемъ состояніи и держитесь спасенія, хотя и говоримъ такъ» (ст. 9).

Итакъ, вотъ насколько велико cadaго изъ насъ, вѣрующіе во Христа, паденіе и осужденіе.

Но да не подумаетъ кто-либо изъ насъ, дорогие, что я, милостію Божіею вашъ архипастырь и духовный руководитель, желаю сегодня возлѣ этой священной гробницы Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, привести васъ къ отчаянію и безысходной скорби о нашемъ общемъ паденіи. Сохрани меня Богъ отъ этого... Нѣтъ. Въ этой гробницѣ, въ жизни Возлегшаго въ ней—столько заключено бла-

гихъ указаній на неизсякаемый родникъ отраднѣйшихъ духовныхъ возможностей, столько сладости великаго обнаруженія самыхъ высокихъ и чистыхъ свойствъ человѣческаго духа,—что впадать въ отчаяніе и скорбь мы не должны и не можемъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Предъ моими духовными очами сейчасъ не только стоятъ лица праведниковъ, бывшихъ у Креста Христова, но предносится и вся эта исключительная въ человѣчествѣ, неповторяемая, дивная и возвышенная жизнь Богочеловѣка на землѣ... Вотъ въ пустынь, безплодной и безлюдной, появляется Его святой Предтеча, великій Іоаннъ Креститель. Въ суровой одеждѣ, аскетъ по жизни, со словомъ обличенія на устахъ, онъ предъ нами какъ земной ангелъ, какъ ангелоподобный человѣкъ. И проповѣдь его привлекаетъ въ безлюдную пустыню массы жаждущаго слова Божія іудейскаго народа. Находятся кроткіе, смиренные, раскаивающіеся въ своихъ грѣхахъ мытари, воины, простолудины. Вотъ въ этой толпѣ является Тотъ, еще неизвѣстный міру Человѣкъ, разрѣшить Которому ремень на обуви недостойнъ даже и этотъ «великій во пророцѣхъ» Іоаннъ. Вотъ Онъ крестится во Іорданѣ, получаетъ завѣреніе Своего Богопосланничества свыше, идетъ въ мрачную пустыню для искушенія отъ сатаны, возвращается побѣдителемъ надъ нимъ среди людей, — и начинается эта чудная жизнь среди людей, исполненная безчисленныхъ чудотвореній: исцѣленій больныхъ, воскрешеній мертвыхъ, оздоровленій прокаженныхъ, слѣпыхъ, глухихъ, слѣпорожденныхъ и т. д. и т. д. Ходитъ Спаситель среди народа и учитъ. О чемъ же Онъ, Учитель сей новый, учитъ?

Вся Его Божественная проповѣдь — это призывъ къ небу, къ вѣчному, къ Богу. Ничего въ ней нѣтъ напоминающаго о землѣ, о благахъ міра, о богатствѣ, славѣ, почестяхъ, удобствахъ міра. Ничего... Вся Его проповѣдь, начавшаяся отдѣльными изреченіями, притчами, подобіями, и излившаяся потомъ

цѣлою рѣкою сладостнаго ученія, изложеннаго въ такъ назыв. «Нагорной проповѣди», — составляетъ перывъ чистой души человѣческой къ чистому небу... Припомните эти Его блаженства. Блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть Царствіе... какое—Небесное. Блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся... гдѣ—въ Царствіи Небесномъ. Блажени кротцыи, яко тѣи наслѣдуютъ землю, т. е. тоже Царствіе Небесное. Алчущіе и жаждущіе правды тамъ же насытятся, милостивые тамъ получаютъ награду, чистые сердцемъ удостоятся лицезрѣнія Божія, миротворцы получаютъ усыновленіе Богу и изгнанные за правду примутъ въ обладаніе... все то же Царствіе Небесное (Матѣ. 5, 3—12). Ничего, напоминающаго о земномъ, въ этомъ небесномъ ученіи нѣтъ. Оно—призывъ къ Богу, Отцу общему для всѣхъ, Отцу Небесному....

Гдѣ же здѣсь основаніе для отчаянія отъ грѣховъ, если въ Образѣ Спасителя мы имѣемъ столь незапятнанный, кристально чистый типъ человѣчности... Ничего подобнаго не видѣло и не знало доселѣ человѣчество, да и смѣло можемъ сказать—никогда уже ничего подобнаго оно среди себя не увидитъ...

Правда, Этого Человѣка, это наивысшее обнаруженіе наилучшихъ свойствъ благородной человѣческой природы, это идеальнѣйшее осуществленіе въ жизни самыхъ возвышенныхъ чаяній о наилучшей красотѣ, правдѣ, добрѣ и истинѣ въ человѣчествѣ, — Того, о Комъ мечтали, Кого ждали чистѣйшими порывами ихъ душъ всѣ величайшіе умы человѣчества — ветхозавѣтные пророки, праотцы, учителя и законовѣды,—Этого Идеальнаго Человѣка іудеи, т. е. мы же, мы, грѣшные люди, своими же устами осудили, своими же руками пронзили, обругали, пропяли на крестѣ и предали смерти...

Постыднѣйшее дѣло... Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ... Да, мы всѣ, — не іудеи, только, а всѣ мы, чинящіе неправду, грѣхъ, ненависть, злодѣянія, всякую нечистоту, — всѣ мы повинны въ этой неповинной

крови, въ этихъ ужасныхъ страданіяхъ Кроткаго нашего Спасителя...

И вотъ предъ нами Его гробъ... Казалось бы, запечатлѣлось постыднѣйшее дѣло и зло достигло своего зенита... Но этотъ гробъ Спасителя является, напротивъ, неизсякаемымъ родникомъ благотѣлнѣйшихъ явленій въ жизни человѣчества. Возлегшій въ гробъ снисходитъ во адъ и, какъ вѣритъ наша Православная Церковь, изводитъ оттуда души отъ вѣка умершихъ людей. Возлегшій во гробѣ на третій день силою Своею Божественною встаетъ и является, такимъ образомъ, побѣдителемъ смерти, первенцемъ отъ мертвыхъ. Онъ же по истеченіи сорока дней, являвшійся Своимъ ученикамъ, возносится предъ нами на небо и воспріятою Имъ нашею человѣческою плотію «сѣде одесную престола величества на небесѣхъ» (Евр. 8, 1). Развѣ это не есть сладостнѣйшій источникъ для нашего упованія на наше будущее общее воскресеніе тѣлами нашими изъ мертвыхъ, на наше собственное вознесеніе силою Божіею «на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздушѣхъ» (Ѳесс. 4, 17), на наше блаженное просвѣтлѣніе въ Царствіи Отца нашего небснаго (Матѣ. 13, 43)? Неизсякаемъ этотъ родникъ наилучшихъ упованій для человѣчества: ибо «око не видѣ и ухо не слыша, яже уготова Богъ любящимъ Его» (1 Кор. 2, 9).

Какъ видите, не для отчаянія отъ сознанія грѣховъ поставляется нынѣ Церковью гробъ сей Спасителя предъ нами, но для того, чтобы мы углубились мыслію въ преступность нашихъ грѣховъ и въ величіе тѣхъ даровъ, какіе намъ обѣщаны при условіи, конечно, сохраненія нами завѣта съ Господомъ... Завѣтъ сей мы сохранимъ и всѣмъ сердцемъ взыщемъ Господа, если будемъ испытывать «свидѣнія Его».

Много возникаетъ мыслей при сей гробницѣ святой, чтобы сказать ихъ вѣрующему сердцу. Но достаточно, если мы, братіе о Господѣ, вынесемъ отсюда хотя эту одну мысль, что наши грѣхи, какъ сознательные, подле-

жать большому осужденію сравнительно съ тѣми, кто грѣшилъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, до Христа, полусознательно, не имѣя тѣхъ благодатныхъ силъ для удержанія отъ грѣха, какими обладаемъ мы.

Посему постараясь твердо держаться Церкви и «не оставлять собранія своего» (Евр. 10, 25), такъ какъ этимъ мы сами себя будемъ лишать самыхъ чистыхъ воспоминаній и упованій. Не оставлять Церкви еще и потому, что Церковь, основанная Самимъ Спасителемъ нашимъ на крови Его (Дѣян. 20, 28), обладаетъ тѣми благодатными средствами, которыя помогаютъ человѣку возрастать во Христѣ въ мужа совершенна» (Ефес. 4, 13. Аминь.

«О»

Пасхальная Ночь.

Вотъ уже и недѣля свв. Женъ Мүроносицъ, а въ воспоминаніи все еще какъ живая стоитъ всерадостная Пасхальная ночь. Пасхальная ночь въ Нью-Йоркѣ!.. Можете ли вы въ году найти событіе, найти торжество, которое бы наполнило все существо наше такъ, заставило бы трепетать душу и сердце на чужбинѣ такъ, какъ эта дивная пасхальная ночь?!

Трудовая, рабочія лица, преждевременной морщиной изрытая, раннею сѣдиною покрытая, непосильной работой измученная, долгимъ путемъ сюда подъ сѣнь святаго храма истомленная, — но какъ пасхальная ночь преобразила ихъ! Сіяютъ они лучами свѣтло-воскресными, и въ лучахъ этихъ потонула ихъ многая скорбь, и въ лучахъ этихъ угасла ихъ тягота, и горькія слезы повседневной нужды чудомъ воскресенія въ свѣтлыя жемчужины обращены! О, дивная, ничьей кистью неопиcуемая, ничьимъ перомъ неизобразимая, никакимъ словомъ неизглаголанная, святая Пасхальная ночь!..

Бѣдныя, поношенныя одежды, — тяжелымъ трудомъ одѣлась въ нимъ наша Американская Русь, — но почему же въ Пасхальную ночь не видитъ этой нищеты ихъ глазъ?!

Почему онѣ сверкаютъ словно царскія парадныя одѣянія, почему все сіяетъ на всѣхъ и во всѣхъ, словно радость источаетъ свой свѣтъ и брызжетъ теплотою праздника сквозь каждую ниточку, и новымъ, нешвеннымъ нарядомъ облакаетъ каждого, всѣхъ дѣлая равными, рубище обращая въ одежду брачную, бѣдность приближая къ изобилію... Это ты, святая пасхальная ночь, чудо это творишь! Это въ лучахъ Христова Воскресенія преломляется христіанскій взоръ такъ, какъ ни въ какую иную минуту, — всѣхъ равными содѣлывая, всѣхъ несказаннымъ восторгомъ питая, всѣхъ узами братства объемлетъ и во единую семью связуетъ!.. Свѣтъ ночи пасхальной неотразимый — здѣсь все нехристовое яко дымъ исчезаетъ. Умолкаетъ злоба, ибо здѣсь все любовь. Умолкаетъ говоръ міра, ибо здѣсь все небо. Расточилась тьма, ибо Воскресеніе всѣмъ возсія! И смерть умерла, ибо воскресъ отъ смерти Христосъ!

О, святая Пасхальная Ночь!.. Никогда око мое не видитъ твоей темноты, — даже безъ звѣздъ, озаряющихъ своды небесъ... Пусть угаснутъ огни этихъ тысячъ свѣчей, благоговѣйной рукой богомольца въ эту святую ночь возженныхъ, пусть угаснутъ огни яркимъ свѣтомъ залившіе десятки тысячъ церквей и жилищъ въ эти великія несравнимыя минуты, — не увидимъ мы твоей темноты... Все сіять будешь ты въ очахъ нашихъ всѣхъ и вся пасхальнымъ свѣтомъ облачая, всѣхъ и вся по Христу Воскресшему преобразая!.. Ибо вѣчнымъ огнемъ озарила ты внутренняя нашей души, и окомъ просвѣтленнымъ зримъ мы вездѣ Возставшаго отъ гроба, зримъ во всемъ — Его Воскресеніе!

Даромъ и приношеніемъ душъ благочестивыхъ украшенная, цвѣтами и вонями благоухающая, утверждается въ кафедральномъ соборѣ Гробница Христова. Слезы и печаль, сокрушеніе и обѣты несетъ къ ея подножію православный людъ, трепетной рукой возжигая свѣчку, умиленно полагая земной по-

клонѣ и лобызая святыя язвы Погребеннаго... Вчера св. Евангеліе повѣдало о страстяхъ Христовыхъ, — нынѣ Онъ — во гробъ бездыханенъ полагается — и нѣтъ словъ сказать о человѣческомъ ужасѣ многомъ, яковымъ вся вселенная содрогается!.. Отъ Святителя — Архипастыря пріемлютъ вѣрующіе и наученіе и утѣшеніе, и обличеніе и упованіе. Къ плачу осиротѣвшей Матери-Богородицы свои грѣшныя слезы приливаютъ. Милости, явленной разбойнику благоразумному, всесердечно испрашиваютъ: И мене древомъ крестнымъ просвѣти, и спаси, спаси мя!..

И вдругъ словно солнце померкшее было первые лучи свои выбросило, все вокругъ засіяло... Пробѣжалъ свѣтъ вокругъ, и къ ближнимъ и къ дальнимъ. Христосъ — новая Пасха!.. Уже жены текутъ возвѣстити Апостоламъ: дерзайте, яко воскресе, воскресе Христосъ! Воскресе Христосъ! И Ангелъ вопіетъ Благодатный: Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку радуйся, Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба!.. Чудесной искрой зажглась душа каждого. И взоръ радостно видитъ, какъ волна свѣта разливается по всему храму, какъ — чудомъ воскресенія — одежды церковныя изъ печальныхъ въ свѣтлыя обращены, какъ св. престолъ пасхальной одеждою убѣленъ, какъ самый тонъ церковныхъ пѣнопѣній сразу сталъ бодрымъ и радостнымъ, слезы горести въ слезы радости превращая. Воскресе Христосъ!..

Но это еще Суббота Великая, это еще предвѣстіе самого Свѣтлаго Праздника. Полунощница прекращаетъ трогательное, въ самой своей повседневней безграмотности умиленнѣйшее чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Словно жаръ въ раскаленной печи, пышетъ грудью своей многотысячная масса богомольцевъ, лавой бросающаяся въ эти послѣднія минуты къ святой Плащаницѣ лобызающая ее... «Востану бо и прославолюся» — уже св. Плащаница на святомъ Престолѣ, а еще нѣсколько минутъ — самыхъ трепетныхъ — нѣтъ ожиданія, и вдругъ — вся церковь озаре-

на, святая пѣснь вознеслась въ алтарѣ, Царскія врата отверсты, ангельская пѣснь Воскресенія передана народу и клиру, и все не удержимой волной устремилось къ крестному пасхальному ходу...

Крестный пасхальный ходъ... Въ Нью-Йоркѣ пасхальный ходъ? Вы думаете, конечно, что его нѣтъ, что сосѣднія сдвинутыя вплотную съ церковью зданія, втиснувшія ее въ сплошную стѣну квартала, не даютъ возможности обойти храмъ, что сосѣди — чужіе, чужіе церкви, чужіе вѣрѣ нашей, чуждые празднику нашему помѣшаютъ обряду, что народа православнаго въ Нью-Йоркѣ, да еще ночью, не соберется столько, чтобы достойно крестное шествіе въ эти великія минуты совершить, что даже ударить въ пасхальный колоколъ въ полночь Нью-Йоркскимъ закономъ воспрещено!..

О, нѣтъ! Онъ есть, этотъ святой крестный пасхальный ходъ... За много часовъ, а съ иныхъ мѣстъ и за нѣсколько дней до пасхальной полуночи онъ начался... По безчисленнымъ радіусамъ, изъ далекихъ мѣстъ и окрестностей течетъ этотъ пасхальный ходъ къ одному центру, всѣхъ къ себѣ въ эту ночь скликающему, всѣхъ привлекающему, всѣмъ яркимъ свѣтомъ праздника сіяющему, — къ нашему храму Нью-Йоркскому... Что къ центру ближе, то гуще лава людская... Отъ востока и отъ запада, и отъ сѣвера и отъ моря, — идутъ Христовы чада!.. Многіе ни разу еще здѣсь не были, но не надо имъ проводника въ эти часы, ибо рѣка православнаго люда путь имъ укажетъ... Многіе круглый годъ, быть можетъ, о церкви не вспоминали, но проснулось ихъ сердце въ эту минуту, и они къ крестному ходу примкнули... Звона не было? Но развѣ не пасхальный звонъ это уснувшее сердце ихъ разбудилъ?! Звона не было, но развѣ мы не слышали его въ каждомъ звукѣ пасхальныхъ молитвъ, въ каждомъ движеніи священнобхо-
обходили, — но развѣ тысячи народа не обле-

гали его со свѣчами въ рукахъ, съ радостной пасхальною пѣснью по всѣмъ окрестнымъ улицамъ еще задолго до полуночи, развѣ пятнадцать тысячъ православнаго люда собравшагося въ эту ночь только къ кафедральному собору, — а сколько тысячъ разобрали еще эмигрантская церковь, церкви въ пригородахъ — Бруклинъ и Джерзи Сити, и Бронзвиллѣ, — не воспѣвали всѣмъ сердцемъ пасхальныхъ молитвъ? Развѣ не участвовали они въ самыхъ первыхъ и святыхъ чувствованіяхъ радости, когда Архипастырь съ духовенствомъ, съ крестами и хоругвями, въ приговорѣ возгласилъ славу Святѣй Единосущнѣй и Нераздѣлимѣй Троицѣ, и впервые воспѣлъ «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»? Развѣ напало бы что либо равное той мощи, той неизглаголанной восторженности, съ какою все это озаренное свѣтомъ церковнымъ, колышущееся и въ своей безбрежности таинственно-величественное море людей, отвѣтило многотысячной своей грудью точно громовыми раскатами «Воистину воскресе» на привѣтъ своего Архипастыря, Первостоятеля и духовнаго Вождя всей Американской Православной Руси? О, вы не переживете ничего подобнаго нигдѣ, нигдѣ!.. Въ эту минуту — это родная земля, въ эту минуту никакая сила не оторветъ нашей души отъ этой родной радости, родной Пасхи... Воистину воскресе! — слышно въ церкви, и катится оно по этому безбрежному морю, осѣняющему себя крестнымъ знаменіемъ, привѣтствующему другъ другу братскимъ лобзаніемъ... Святые минуты! Неизгладимые минуты! О, будь благословенна ты, святая Пасхальная ночь, за одну эту радость! Какую силу даешь ты нашей за океанской Руси! Какъ окрыляешь ее! О, будь благословенна ты, Американская Русь, такъ любящая свой единственный, свой драгоценнѣйшій день, Пасхальную ночь!.. Христосъ воскресе!..

Гудятъ могуче колокола... Вторять имъ маленькіе звоны и переливами своими чаруютъ сердце... Въ нашей церкви — этотъ трезвонъ — это нашъ чудный хоръ, съ его бассами, съ его тенорами, съ его дѣтками—колокольчиками... Слышите вы его, этотъ звонъ?.. Воскресе-нія день, — просвѣтимся лю-діе, Па-сха Господня Па-сха!..

Тысячи очей русскихъ устремлены съ молитвой, съ радостью, съ нѣтъ-нѣтъ и набѣжавшей слезой, къ сіяющему алтарю и иконостасу... И чувствуешь: видитъ этотъ взглядъ далеко-далеко... Предстала ему маленькая убогая церковка — своя, въ своемъ родномъ селѣ, родные лица, свои, свои, и шепчутъ уста туда, къ нимъ, «Христосъ воскресе», и ловить слухъ неслышное уху, но сердцу вѣдомое — «воистину, воистину, дорогой мой, воскресе»!...

Гудятъ могуче колокола... Вторять имъ маленькіе звоны, и переливами чаруютъ нашу пасхальную душу...

Какъ хорошо!

Много искренней благодарности принесено было русскими людьми Высокопреосвященнѣйшему Архипастырю Владыкѣ Платону за радушное — послѣ богослуженія — чисторусское разговѣнье, такъ неотдѣлимое отъ Пасхальнаго Праздника. Здѣсь къ пасхальной трапезѣ богатый и убогій вкупѣ допущены были и многократно воспѣвалась опять пѣснь Христова Воскресенія, и у всѣхъ жила иллюзія — что мы у себя на родинѣ, ибо здѣсь все было, все дышало родиной, Русью, роднымъ, свѣтлымъ Праздникомъ.

Прот. А. Хотовицкій.

Свѣтлый день на свѣтлой седмицѣ въ Эмигрантскомъ домѣ въ Нью-Йоркѣ.

При чрезвычайномъ обилии богослуженій на Свѣтлой Седмицѣ, при массѣ миссійнаго дѣла, осложнившейся наплывомъ поздравителей и многими заботами въ виду предстоящаго отпуска въ Россію нѣсколькихъ священниковъ одновременно, Высокопреосвященнѣйшій Владыка не оставилъ, однако, и любимаго своего дѣтища, основаннаго имъ Русскаго Эмигрантскаго Дома въ Нью-Йоркѣ, безъ своего пасхальнаго посѣщенія и благословенія. Помолившись въ церкви эмигрантской, утѣпившись ея праздничнымъ убранствомъ и ея умилительной уютностью, Владыка прежде всего прослѣдовалъ въ помѣщенія эмигрантовъ. Какъ разъ они усаживались за столомъ, собираясь хлебать русскія щи, отъ которыхъ паръ столбомъ валилъ и аромат способенъ былъ раздражить аппетитъ даже и не голодныхъ людей... Видно было, что наши русскіе земляки, большинство — только что сошедшіе съ парохода на чужую землю, а нѣкоторые и отсидѣвшіе на грозномъ эмигрантскомъ островѣ по недѣлкѣ и больше, намѣрены отдать честь по русски національнымъ блюдамъ... Были мужчины, были и женщины, еще не успѣвшіе разстаться со своими родными платочками и свитками, и водрузить на свою голову диковинные огороды, сады и птичники, и замѣнить свои кумачи американскими «гоббелс-ами». Добродушіе и юморъ русскіе такъ и блещутъ въ глазахъ иныхъ, хотя лица изнурены и измождены.

— Тебѣ сколько лѣтъ? — спрашиваетъ Владыка одну почти старуху, удивляясь, какъ такую спустили на берегъ придиричивыя американскія власти.

— 32 года, — отвѣчаетъ.

А здѣсь американская леди такъ себя поведетъ, что изъ старухи молодухой сдѣлается.

Въ разговорахъ, въ бесѣдѣ затронуто мно-

гое, что этимъ людямъ близко. Знаетъ Владыка говорить съ простымъ народомъ. Самъ нужду видѣлъ, самъ горе испыталъ, самъ семейнымъ былъ, жену и дѣточекъ потерялъ... Хозяйство сельское лично велъ, землю любить, крестьянина своимъ роднымъ считаетъ. Чуть коснулись, кто откуда, сейчасъ и земляки наплыли, и изъ Кіевской, и изъ Курской... А патріоты!..

— Изъ какого уѣзда?

— Изъ Сквирскаго.

— Ну, Сквирскій махонькій, замѣчаетъ Владыка.

— Махонькій? — обиженно вступается сосѣдъ тоже оттуда же. Зачѣмъ махонькій? Городъ, какъ городъ, настоящій, можно сказать, городъ. Не деревня какая... Городъ, можно сказать, порядочный, — не унимется онъ, защищая свою уѣздную столицу....

— А почему десятина у васъ? — спрашиваетъ его вдругъ курскій.

— Въ рентъ на годъ и то до 500 рублей!.. И кіевлянинъ побѣдоносно оглядываетъ публику: «во-какъ у насъ»!

— По 500 рублей, въ рентъ? Не много ли? — ухмыляются нѣкоторые.

— Ваше Высокопреосвященство, отецъ-Архіерей, у насъ не больше какъ по 300 рублей и земля хорошая, — заявляетъ солдатикъ, свой срокъ отслужившій и теперь явившійся на заработки... А это они потому молчатъ, указываетъ онъ неожиданно на нѣкоторыхъ, что запуганы. Очень ихъ на «Касель-гардѣ» допекали, и спустить не хотѣли. А тоже наши Кіевскіе.

— А ты что такой грустной выглядываешь? Ъхалось чтоли плохо? Качало на пароходъ?..

— Дуже качало... Думала що помру. А и не кормили, — жалуется одна съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ.

— Какъ не кормили?

— А такъ. На первый день Великодня (Пасхи) оселедцемъ нехристи кормили... Ажъ мнѣ сумно стало... На Пасху — оселедцемъ?

Плохо, батюшка, очень плохо, — добавляетъ она съ удареніемъ на «чень»....

— А вотъ ты смѣешься, — ты неголодала? обращается Владыка къ сосѣдкѣ ея, вмѣстѣ прибывшей.

— А для меня довольно было... И оселѣдцы на шифѣ не плохо, потому что отъ иной пищи очень душу на морѣ стискиваетъ...

Словомъ, какъ и всегда при посѣщеніяхъ эмигрантовъ, сразу видишь и слышишь — и веселыхъ и понурыхъ... И тутъ ужъ не губерніи дѣлать, а просто темпераментъ разный, — есть «счастливыцы», есть «несчастливыцы», есть терпѣливые, есть порывистые, — всякіе...

Ширится Русь по Америкѣ. Гдѣ только васъ не найдешь теперь въ этой странѣ, братья русскіе?

И все больше чрезъ этотъ славный русскій гостепріимный Домъ Эмигрантскій проходятъ. Онъ для нихъ главный, а для многихъ и единственный, *свой русскій Домъ* въ Америкѣ. Благодареніе русскому люду — неизобразимое!

Отвѣдалъ кулича и пасхи Высокій Гость въ помѣщеніи завѣдующаго Домомъ о. прот. П. И. Попова, преподавалъ наставленія, посѣтовалъ, что обстоятельства, — болѣзнь и страшное переутомленіе долгими четырехлѣтними заботами по Эмигрантскому Дому, — побуждаютъ о. Петра Попова желать перехода на другое мѣсто и просить лѣтнаго отпуска... Какъ то неразрывно слилось теперь это учрежденіе съ личностью о. П. Попова. И трудно себѣ даже представить Домъ безъ него, и его безъ обычнаго всѣмъ знакомаго имени «эмигрантскій протоіерей», «эмигрантскій батюшка». А инымъ изъ эмигрантовъ, привыкшимъ изъ года въ годъ изъ далекихъ окрестностей пріѣзжать хоть на денекъ въ свой родной Домъ, пожалуй думать будетъ: «да тотъ ли это Домъ»?..

До земли кланяется Русь Американская Владыкѣ за великое его благодареніе — Русскій Эмигрантскій Домъ.

А. Х.

БОРЬБА.

IV.

Въ эту ночь я не могъ заснуть...

Передо мной вдругъ встала вся жизнь моихъ дѣтей и съ болью въ сердцѣ спросилъ я самого себя:—«Да развѣ только сегодняшній день разъединилъ тебя съ твоими дѣтьми? А вся жизнь до сегодняшняго дня незамѣтно, но и неуклонно развѣ не разъединяла? Развѣ уже не создала между тобою и ими стѣны взаимнаго непониманія и противоположныхъ вкусовъ, а чрезъ это и отчужденности?»

Дѣйствительно, только одинъ годъ я съ ними прожилъ на этой окраинѣ города, а уже и теперь они съ успѣхомъ замѣняютъ для меня справочную книгу. Кто въ какомъ домѣ живетъ, съ кѣмъ и въ какомъ родствѣ находится и чѣмъ занимается, изъ сколькихъ душъ состоитъ его семья, — ну положительно на всѣ вопросы, съ какими ко мнѣ лѣзутъ надоедливые американскіе агенты, они быстро вмѣсто меня, имъ отвѣчаютъ. А я не знаю даже фамиліи моего ближайшаго сосѣда.

Уже и теперь говорятъ они даже дома между собою только по-англійски. Пробуютъ иногда заговаривать и съ нами и, когда мы отвѣчаемъ имъ по-русски, выслушиваютъ насъ нетерпѣливо и съ видимымъ сожалѣніемъ. Уже и теперь прекрасно иллюстрированнымъ и содержательнымъ русскимъ книгамъ, которыя мы нарочно для нихъ выписываемъ, они предпочитаютъ пустенькія англійскія.

Уже и теперь ихъ тянетъ, какъ пьяницъ въ кабакъ, въ дешевенькій американскій театръ. И нравится имъ въ немъ, не движущіяся, довольно идейныя картины, а гороховые шуты, загримированные неграми, въ ярко-красныхъ пиджакахъ, кремовыхъ, проутюженныхъ и подкоченныхъ панталонахъ и въ бѣлыхъ, сдвинутыхъ на бекрень, цилиндрахъ. Вслѣдъ за публикой и они приходятъ въ непонятное для меня неистовство, когда эти негры начинаютъ плоско острить, страшно вра-

щая огромными бѣлками и раздирая гримасами до самыхъ ушей толщенныя блѣдно-розовыя губы, и въ заключеніе до пота и одури выстукивать деревянными подошвами своихъ ботинокъ о деревянный полъ. Этому выстукиванію, называющемуся американскимъ танцемъ, какъ оно, благодаря множеству едва уловимыхъ въ немъ колѣнцевъ, ни сложно и какой ловкости отъ танцора ни требуетъ, мой сынъ тоже уже научился. И лишь слышитъ музыку, тактъ которой соотвѣтствуетъ ритму танца, какъ въ ногахъ у него уже начинаются конвульсіи...

Уже и теперь безъ юмористическаго листка самыхъ распространенныхъ американскихъ газетъ, — и гдѣ только они съ нимъ познакомились? — въ воскресный день имъ нудно, они словно безъ сладкаго блюда остались.

Просмотрѣлъ я какъ-то нѣсколько номеровъ подъ рядъ и поразился, до чего всѣ они шаблонны даже въ мелочахъ, въ обрисахъ фигуръ, въ игрѣ лицъ и какъ все въ нихъ дѣтски карикатурно и наивно. И всѣ почти на одну затасканную тему о невѣроятныхъ проказахъ невѣроятно изобрѣтательныхъ двухъ мальчугановъ — дѣтей, повидимому, зажиточной американской семьи. Эти мальчуганы то портятъ автомобиль такъ, что его нельзя остановить и онъ бѣшено мчится, опрокидывая прохожихъ, то надрѣзываютъ сѣтку воздушнаго шара, отчего толстый и дикообразный капитанъ, поднявшійся на немъ, вдругъ обрывается и падаетъ въ море. А когда показывается изъ воды, то одинъ глазъ у него почему-то закрытъ, а другимъ широко открытымъ онъ такъ грозно нацѣлился въ проказниковъ и такъ быстро къ нимъ плыветъ, работая своими опухшими руками, что они съежились отъ страха. Страдательная роль въ этихъ юмористическихъ листкахъ почти всегда выпадаетъ почему-то на долю тоже толстыхъ, неуклюжихъ и повидимому очень разсѣянныхъ полисменовъ. Сверху имъ на голову то выливаютъ помои, то сбрасываютъ тяжести, то

соииваетъ ихъ съ ногъ автомобиль и тогда они катятся внизъ колесомъ, каждая спица котораго тоже полисманъ. А когда приходятъ въ себя, то хватаютъ за шиворотъ совсѣмъ не того, кого слѣдуетъ. Въ заключеніе трагикомедіи на сцену неизмѣнно являются родители и задаютъ изрядную шлепку дѣтямъ, которыхъ, несмотря на свойственную имъ склонность къ опаснымъ проказамъ, все-таки оставляютъ безъ надзора...

Этотъ шаблонный юмористическій листокъ, дѣтское остроуміе котораго исчерпывается лишь карикатурнымъ изображеніемъ фигуръ и лицъ, служить для моихъ дѣтей не только предметомъ невиннаго развлечения, но и — о ужасъ — школой живописи. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, они копируютъ нелѣпыя фигуры въ нелѣпыхъ положеніяхъ и раскрашиваютъ. Но этого мало...

Я долго недоумѣвалъ, отъ кого мой мальчикъ научился американскимъ манерамъ этимъ дурацкимъ, похожимъ на карикатуру листка, ужимкамъ и прыжкамъ. Не у взрослыхъ ли, которые даже въ людныхъ мѣстахъ — на улицахъ и въ трамваяхъ — потѣшаютъ ими другъ друга? И только недавно я понялъ, что школа у нихъ одна: все тотъ же американскій юмористическій листокъ.

Удивляюсь, какъ это у моихъ дѣтей не родилось еще и опаснаго убѣжденія, что подобнаго рода шалости и въ дѣйствительной жизни всегда оканчиваются такъ забавно, какъ въ карикатурѣ, лишь легкими ушибами, да бултыханьемъ въ воду, а не кровавыми драмами. И какъ это легкость наказанія не заохотила ихъ продѣлать хоть одну изъ этихъ шалостей?

Ну и юмористика... И для кого она только предназначается: для дѣтей или для взрослыхъ? И съ какой, именно, цѣлью? Дѣтямъ дать — что ли — программу новыхъ шалостей, а родителей заставить быть на сторожѣ?

Уже и теперь у моихъ дѣтей вкусъ испорченъ: на обѣдъ имъ подавай только кейки съ паями, приготовленные въ пекарнѣ на сквер-

номъ салѣ, приправленные сахариномъ и отдающіе содой, а на сладкое противныя американскія конфекты, сверху шоколадныя, а внутри съ сахарной начинкой.

Уже и теперь они стараются отпраздновать гражданскіе праздники страны, какъ и ихъ товарищи, по-американски. Такъ, ко дню Валентина и они закупаютъ спеціальныя открытки любовнаго характера, а ко дню какого-то Памкинса большой, привезенный съ фармъ, красный кабакъ. Открытки наканунѣ праздника рассылаютъ своимъ друзьямъ, маленькимъ и взрослымъ, кромѣ своихъ родителей, а изъ кабака посредствомъ ножа выдѣлываютъ голову какого-то хищнаго чудовища съ длиннымъ ртомъ и оскаленными острыми зубами и, когда стемнѣетъ, зажигаютъ въ немъ свѣчу и отправляются съ нимъ на улицу къ своимъ пріятелямъ. И вплоть до поздней ночи въ темнотѣ улицъ плаваютъ красныя шары и звучитъ беззаботный дѣтскій смѣхъ.

А въ этомъ году въ день Благодаренія вечеромъ, когда сосѣди благоговѣнно уничтожали своего традиціоннаго индюка, и мои дѣти порывались побуюнить вмѣстѣ съ ряжеными дѣвицами и кавалерами у нихъ подъ окнами, но я имъ не позволилъ и нужно было видѣть, какъ они горько рыдали.

Уже и теперь самая распространенная среди американскихъ дѣтей зажиточнаго класса игра — охота на индѣйцевъ, будящая въ дѣтяхъ самыя низкіе, жестокіе инстинкты, является и самой любимой для моего мальчика. Какъ только вышелъ изъ школы, сейчасъ же переодѣвается въ индѣйскій костюмъ, собираетъ дѣтей, строитъ съ ними подъ деревьями на горѣ шалапъ, раздѣляетъ ихъ на двѣ партіи — краснокожихъ и бѣлыхъ, вооружаетъ ружьями и игра начинается. Одна партія старается перестрѣлять или забрать въ плѣнъ другую. То и дѣло натыкаешься на малышей, крадущихся вдоль заборовъ или ползущихъ на животъ по землѣ, и слышишь ихъ выстрѣлы...

Увлекается онъ также и игрою взрослыхъ

въ фут-боллѣ. Не уходитъ изъ парка, гдѣ она обыкновенно идетъ, пока не узнаетъ, кто въ ней оказался побѣдителемъ. И съ ея тонкостями онъ уже знакомъ.

Уже и теперь при видѣ американскаго флага онъ съ сестрой взвизгиваютъ отъ восторга и съ рѣдкимъ воодушевленіемъ поютъ американскій національный гимнъ.

Уже и теперь у нихъ есть свои кумиры. Какъ-то разъ вернулся мой сынъ изъ школы возбужденный, съ блестящими глазами, съ легкими румянцами на блѣдныхъ щекахъ и заговорилъ: — Слышала ли ты, мама, о Вашингтонѣ и Линкольнѣ? О, если бы ты знала, какіе это были люди... Видѣла ли ты черныхъ? Такъ вотъ эти черные раньше были рабами и знаешь ли, кто далъ имъ свободу? Вотъ этотъ Линкольнъ.

— И у насъ, мальчикъ мой, было еще больше рабовъ, — заговорила жена. — Далъ и имъ свободу, да еще съ землей нашъ добрый царь. Знаешь ли, какъ ему было имя? Александръ Второй. И знаешь ли, какъ его люди отблагодарили? Они его убили...

— И Линкольна тоже... — не сдается мальчуганъ. И на слѣдующій день чуть ли не подъ образами появляется откуда-то выдраный портретъ освободителя негровъ, а на столѣкъ подлѣ кровати и его жизнеописаніе; и имъ мальчикъ до того увлекается по утрамъ, что начинаетъ опаздывать въ школу.

Затащили его какъ-то товарищи въ свою воскресную школу, что находилась при богатой протестантской церкви, а оттуда и въ церковь, славившуюся своимъ органистомъ и пѣвцами. А на слѣдующее воскресеніе, когда жена сказала ему собираться въ церковь, вдругъ выпалилъ: — Въ нашу церковь не пойду. Стыдно слушать, какъ дякъ тянетъ съ народомъ.

Начала жена моя съ болью сердца замѣчать, что когда она проходитъ мимо него, а онъ окруженъ дѣтьми, то онъ уже какъ-будто стыдится къ ней признаться, хотя она не хуже другихъ матерей одѣта. И почему-то все

неохотнѣе идти съ нею въ городъ, а когда она дорогой заводитъ съ нимъ разговоръ по-русски, онъ старается заглушить ее своей англійской бесѣдой, не даетъ ей вовсе говорить. Но загадка скоро разъяснилась.

— Мама, — сказалъ онъ ей однажды умоляющимъ голосомъ, — когда мы на улицѣ, не говори со мною по-русски, а то дѣти надо мною смѣются, что я русскій. Русскихъ, говорятъ они, здорово японцы побии.

Мы встревожились — не охлажденіе ли это въ немъ чувства русскости, которое мы всячески ему прививали. Но нѣтъ — это была просто усталость маленькаго существа изо дня въ день и въ одиночку бороться за свою русскость съ окружающимъ его міркомъ. Иначе на слѣдующій день онъ не прибѣжалъ бы подѣлиться съ нами своею радостью, что среди его товарищей вдругъ нашелся смѣльчакъ, который вступился за русскихъ, или, когда мы перебрались къ церкви, что русскіе мальчики, которыхъ онъ успѣлъ собрать вокругъ себя, побѣдили ирландскихъ...

Моя дочурка еще меньше моего мальчика, но и на ней уже оказалось вліяніе Америки. Такъ, передъ уже упомянутымъ мною днемъ Валентина и она не менѣе своихъ подругъ волновалась, кому изъ знакомыхъ ей дѣвочекъ и мальчиковъ она пошлетъ печатныя открытки амурнаго характера и отъ кого ихъ получить. Даже братъ заразился ея настроеніемъ. И вечеромъ оба сначала что-то по-англійски горячо и долго обсуждали, потомъ писали, клеили и бѣгали бросать въ почтовый ящикъ. И на слѣдующій день съ ранняго утра высматривали почтальона, а когда онъ вручилъ имъ пачку открытокъ, то съ просіявшими лицами занялись ихъ разборкомъ.

Уже и теперь, подъ вліяніемъ ея сверстницъ, у ней стала проявляться страсть къ нарядамъ. Давай ей каждый день въ школу платье попараднѣе, на голову бантъ, а на ноги бѣлыя туфли, хотя бы и грязно было на дворѣ. Купи и ей такой браслетикъ, какъ у Мэри, и кружевное бѣлое платье, какъ у Энни.

Уже и теперь слѣдить она за своей внѣшностью, повидимому, придаетъ ей значеніе. Когда появляется у нея флюсъ, не хочетъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ родителей, ее видѣлъ, даже мясникъ, что привозитъ провизію къ намъ на домъ.

Уже и теперь она свиститъ не хуже уличнаго мальчишки, а научилась отъ взрослыхъ дѣвицъ.

У насъ на родинѣ дѣвочка ея лѣтъ, за неимѣніемъ сверстницъ, предпочтетъ играть сама. А здѣсь, гляжу и своимъ глазамъ не вѣрю, цѣлая толпа школьниковъ и среди нея одна только дѣвица — моя дочь. Что ей остается дѣлать, разъ братъ съ нею не хочетъ играть? Они — мальчики?! А развѣ ея маленькія подружки съ ними не играютъ? И они такъ добры: зимой катаютъ ее съ горы на саночкахъ, а лѣтомъ по улицѣ на повозочкѣ. И ей съ ними такъ весело, нѣтъ у нея соперницъ.

V.

Таковы пока мои дѣти и такова пока здѣсь ихъ жизнь съ ея маленькими горестями и радостями. Развѣ они похожи на меня, какимъ я былъ въ дѣтствѣ? Или ихъ жизнь, ея укладъ на мою жизнь? Похожи ли они, вообще, на русскихъ дѣтей?! Чѣмъ, именно? — спросилъ я себя. Почти ничѣмъ. Но, можетъ быть, въ будущемъ ихъ жизнь приблизится и даже сольется съ моею и станетъ для меня понятной, близкой и дорогой? Въ такомъ случаѣ я волнуюсь преждевременно и зря, изъ-за мелочей... Мелочи?! А развѣ не изъ однихъ мелочей складывалось и мое дѣтство, котораго я не могу вычеркнуть изъ моей жизни. Взять хотя бы лампадку, которая въ дѣтствѣ освѣщала по ночамъ мою тихую спальню, не мелочь ли она, а вотъ мнѣ и теперь безъ нея въ солнечный день темнѣе, съ нею и въ темную ночь свѣтлѣе, ибо она будитъ во мнѣ самое цѣнное для меня — свѣтъ моей чистой дѣтской вѣры. Или запахъ ладана!.. Для многихъ онъ невыносимъ: онъ напоминаетъ имъ лишь о смерти и погребеніи близкихъ имъ людей. А для жены моей онъ пріятнѣе запаха

самыхъ тонкихъ и дорогихъ духовъ. Когда я прихожу изъ церкви домой, она беретъ рукавъ моей рясы, подноситъ его къ своему лицу и, вдыхая запахъ ладана, которымъ онъ насъ пропитанъ, счастливо шепчетъ: — Какъ отъ тебя хорошо пахнетъ: церковью, святостью. Во дни далекаго дѣтства ее, круглую сиротку, часто ласкала рука добраго дѣдушки, одѣтая въ точно такой же широкий рукавъ, и отъ этого рукава пахло точно такимъ же запахомъ ладана. И незамѣтно перенесла она свою любовь съ дѣда и на ладанъ, которымъ онъ былъ пропитанъ, съ ладана и на церковь, въ которой у святыхъ алтарей, вѣроятно, предстояли такіе же добрые, какъ и ея дѣдъ, служители Божіи. И теперь всегда, когда она касается своимъ лицомъ рукава моей рясы и вдыхаетъ въ себя запахъ ладана, которымъ онъ пропитанъ, ей чудится, что она опять ребенокъ и снова надъ нею склонился добрый ея дѣдушка, только что вернувшійся изъ церкви, и снова нѣжно ее ласкаетъ и отъ него такъ сладко пахнетъ церковью, святостью. Ахъ, ничто, ничто не маловажно въ нашемъ миломъ дѣтствѣ. Ничто не пропадаетъ безслѣдно. Все эхомъ, радостнымъ или печальнымъ, отзывается во всей послѣдующей нашей жизни. Все бросаетъ отъ себя во всю ея длину свѣтлыя или мрачныя тѣни...

Но посмотримъ, что будутъ представлять изъ себя они и ихъ жизнь въ ближайшемъ, а потомъ и отдаленномъ будущемъ.

Вотъ сынъ мой уже юноша, носить длинные брюки и просторный, косая сажень въ плечахъ, пиджакъ и мягкую, небрежно повѣшенную и ухарьски едвинутую на самый затылокъ шляпу и ходить въ «гай-скулъ», а потомъ и въ «калледжъ». Чѣмъ же онъ теперь заполняетъ все свободное отъ занятій время? Можетъ быть, тѣмъ, чѣмъ заполнялъ его я во дни моего юношества: чтеніемъ литературы, живописью, музыкой, къ которымъ и у него есть несомнѣнные дарованія? Совсѣмъ нѣтъ, но тѣмъ, чѣмъ и его товарищи, спортомъ во всѣхъ его видахъ и особенно игрою въ мячъ,

въ фут-болль. Въ будни сейчасъ же послѣ калледжа, а въ воскресные дни еще до литургіи онъ наряжается въ давно желанный костюмъ игрока — спортсмена: въ вязанную фуфайку съ огромной буквой его партіи на груди, и въ толстые, на ватной подкладкѣ, до колѣнъ штаны, на грудь, чтобы защитить ее отъ ударовъ тяжелаго мяча, накладываетъ ватную броню, на лицо желѣзный намордникъ, а на голову кэпи; затѣмъ въ руки беретъ огромнѣйшія рукавицы, мячъ и отполированную дубинку и вмѣстѣ съ зашедшими къ нему и такъ же наряженными товарищами отправляется за городъ.

Они знаютъ, что сегодня своею игрою они будутъ волновать, злить и радовать тысячи людей, начиная съ послѣдняго чернорабочаго и кончая губернаторомъ штата. Быть можетъ, пожалуетъ и президентъ республики и подачей мяча одному изъ нихъ благословитъ начало игры. А завтра въ самыхъ распространенныхъ газетахъ, на самомъ видномъ мѣстѣ и самыми большими буквами будетъ напечатанъ отчетъ объ игрѣ, фотографическіе снимки съ наиболѣе интересныхъ ея ходовъ, а также и портреты участниковъ. Но имъ этого мало, хочется еще, чтобы и по дорогѣ къ полю публика занималась только ими. И вотъ съ шумомъ они вваливаются въ оставленный ими трамвай и начинаютъ зыкрикивать глупыя остроты, жестикулировать и гримасничать, подобно героямъ юмористическимъ листовъ, и оглушительно хохотать. Пассажиры уже обратили на нихъ свое вниманіе. При каждой ихъ остротѣ дамы полуоборачиваются къ своимъ незнакомымъ сосѣдкамъ и ихъ улыбающіяся лица словно говорятъ: — не правда ли, какъ эти молодые люди милы и остроумны? Ну развѣ можно имъ не простить ихъ шутокъ? Только одинъ пассажиръ не отрывается отъ своей газеты, словно желаетъ показать имъ свое презрѣніе, уязвить ихъ своимъ невниманіемъ. Такъ вотъ же ему за это! И одинъ изъ спортсменовъ летитъ на него. Это его нарочно толкнули товарищи...

Домой они возвращаются только къ вечеру усталые, съ вывихами и синяками, но насыщенные игрой и потому довольные.

Вечера они проводятъ съ сигарами въ зубахъ на углахъ опустѣвшихъ и слабо освѣщенныхъ улицъ или у стѣнъ магазиновъ, громко окликая своихъ знакомыхъ, проходящихъ по другой сторонѣ улицы, или тихо напѣвая въ три голоса сезонныя пѣсни дешевыхъ театровъ.

Зимой сынъ мой принимаетъ участіе и въ бѣгахъ, устраиваемыхъ его товарищами, а иногда и редакціями газетъ на призъ скорости. На дворѣ лютый морозъ и улицы засыпаны снѣгомъ, а бѣгуны лишь въ тонкихъ, съ большими вырѣзами, купальныхъ костюмахъ, надѣтыхъ прямо на голое тѣло, безъ чулокъ, въ сандаляхъ и съ непокрытыми головами. Руки съ кулаками подняты и прижаты къ плечамъ, отъ разгоряченныхъ тѣлъ сквозь трико клубится бѣлый паръ, языки высунуты, какъ у загнанныхъ собакъ, но они бѣжатъ и довольны, что на нихъ смотритъ публика, выстроившаяся вдоль улицъ шпалерами.

Въ газетахъ онъ набрасывается теперь не на юмористику, ее онъ отодвигаетъ на второй планъ, но на извѣстія изъ міра спорта. Когда гдѣ-нибудь далеко отъ него идетъ игра, въ которой участвуютъ лица съ громкими именами, ему невтерпежъ ждать выхода даже экстренныхъ изданій. Онъ бѣжитъ къ редакціи, гдѣ ежеминутно получаютъ извѣстія и тотчасъ же выписываются служащими на черной доскѣ; тамъ цѣлыми часами онъ бѣснуется, свиститъ и кричитъ въ огромной толпѣ подобныхъ ему любителей.

Онъ уже отвыкъ отъ американскихъ конфектъ и понемногу пріучается къ кровавому «стейку», а въ промежуткахъ, даже когда идетъ со своей барышней, безъ конца жуетъ резину.

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ и моего сына положительно нельзя узнать. Отъ прежней вѣпшней небрежности и легкомыслія не оста-

лось и слѣда. Онъ всегда тщательно выбритъ, какъ католическій патеръ. Только кожа отъ постоянного накладыванія на нее цирюльникомъ горячихъ полотенецъ стала красной, какъ послѣ парной бани. Зубы, изъ которыхъ многіе уже обиты золотомъ, блестятъ, точно жемчужины. Волосы всегда аккуратно подстрижены и зачесаны на бокъ. Одежда, какъ съ иголки. Ботинки, хоть въ нихъ смотришь, такъ вычищены. Рубаха съ манжетами и воротничкомъ всегда бѣлоснѣжные. Галстукъ изящно повязанъ и въ немъ дорогая булавка. Руки въ лайковыхъ перчаткахъ, изъ бокового кармана выглядываетъ кончикъ шелкового цвѣтнаго платочка. Словомъ, все до мельчайшихъ подробностей имъ предусмотрѣно и все даетъ цѣльную гармонию высокой интеллигентности, обнаруживаетъ въ немъ человѣка въ высшей степени серьезнаго и дѣловаго, дорожащаго своимъ положеніемъ среди серьезныхъ и дѣловыхъ людей. У него уже массивный горловой басъ, хоть и безъ кадыка, и говоритъ онъ имъ, какъ ораторъ, безъ запинокъ и съ вѣсомъ, то повышая, то понижая голосъ. И вы невольно проникаетесь къ нему уваженіемъ и соглашаетесь съ нимъ. Смѣется онъ рѣдко и едва слышно, шутитъ еще рѣже. Движенія его медленны и продуманны. Нѣтъ въ нихъ ничего лишняго, оскорбляющаго васъ, кто бы вы ни были. Съ вами онъ всегда вѣжливъ, а если отъ васъ еще завиститъ, то и солидно услужливъ.

И такимъ франтоватымъ, солиднымъ и уважающимъ себя онъ остается всюду, какое бы общественное мѣсто ни онъ ни занималъ, президента или простого мясника. Въ послѣднемъ случаѣ онъ поверхъ своего изящнаго костюма наброситъ только бѣлый фартукъ — вотъ и все его отличіе отъ президента.

Подобно серьезнымъ людямъ его возраста, и онъ уже обзавелся семьей. И теперь у него одна забота — раздобыть —возможно больше денегъ, чтобы окружить свою жену возможно большимъ комфортомъ, пріобрѣсти для нея изящный домъ-особнякъ въ приличной части

города и украсить его дорогой мебелью. Поэтому онъ и примкнулъ не къ той политической партіи, программа которой соответствовать его убѣжденіямъ — убѣжденіе у него лишь одно, что нужно побольше денегъ и что въ жизни самымъ дѣятельнымъ членомъ. Еще не окончились одни выборы, а онъ уже готовится къ другимъ. Его и выбрали въ лидеры своей партіи и теперь деньги текутъ къ нему настоящей рѣкой со всѣхъ сторонъ и отъ партіи, какъ лидеру, жалованіе и на предвыборную агитацію, и отъ капиталистовъ, которымъ партія можетъ помочь провести благотворительный для нихъ законъ, и наконецъ, отъ той должности, которую онъ внѣ партіи занимаетъ — адвоката или доктора.

Самая страдная для него пора это выборы. Тогда съ раняго утра и до поздняго вечера онъ носится по городу на автомобилѣ, заглядываетъ во всѣ вертепы, разсовываетъ темнымъ, оборваннымъ и небритымъ личностямъ

деньги на пьянство и безъ конца, съ неизмѣнной театральностью и даже пафосомъ говорить.

Теперь въ газетахъ онъ прежде всего ищетъ извѣстій о выборахъ и отмѣчаетъ все, что касается противной ему партіи, чтобы имъ воспользоваться для агитаціи.

Его проэктируютъ уже въ члены парламента, а если провалится, то въ члены сената, о чемъ онъ и самъ втайнѣ мечтаетъ.

Любимымъ его развлеченіемъ все-таки остается спортъ, но въ немъ онъ уже не участвуетъ, неприлично въ его положеніи, а только его созерцаетъ.

Несмотря на то, что онъ питается въ ресторанахъ всякой гадостью и запиваетъ ее скверной виски и пивомъ, желудокъ его варитъ пока хорошо. Въ общемъ онъ доволенъ собой и своей жизнью.

Свящ. Ѳ. Букетовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ

„СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ“.

The Constructive Quarterly

An account of its Aims, Methods, and Scope.

(Циркуляръ редакціи).

Введеніе редактора.

Этотъ журналъ основанъ на убѣжденіи, что созидательное отношеніе къ христіанству поможетъ разъединеннымъ другъ отъ друга христіанскимъ общинамъ лучше понимать другъ друга. Онъ назавнѣ Созидательнымъ Трехмѣсячникомъ *Constructive Quarterly*, такъ какъ онъ надѣется *сстроитъ* на основаніи того, во что христіанскія церкви вѣрятъ, что онѣ дѣлаютъ и думаютъ. Разрушители не имѣютъ полной возможности дѣйствовать, у нихъ оно и не отнимается и такъ оно для нихъ и слѣдуетъ. Но ихъ методъ не со-

здаль возможности единенія, а напротивъ, какъ нельзя болѣе способенъ и въ будущемъ приводить къ разрыву.

Нашъ планъ вести журналъ такъ, чтобы въ немъ сошлись члены разныхъ вѣроисповѣданій, желающіе писать въ созидательномъ тонѣ о христіанствѣ, исповѣдуемомъ и практикуемомъ ими, имѣя въ виду представить свое исповѣданіе другимъ христіанамъ, такъ какъ бы имъ хотѣлось, чтобы эти другіе знали о немъ. Мы ищемъ не нейтральной почвы, на которой, учтивости и дипломатіи ради, мы бы были склонны избѣгать несогласій и смягчать

обострившіяся стороны правды и убѣжденія; скорѣе мы ищемъ общаго для всѣхъ поприща, на которомъ вѣрнопреданность Христу и вѣрѣ въ Него и Его Церковь были бы свободны отъ склонности къ компромисамъ, къ поверхностнымъ или искусственнымъ истолкованіямъ. Намѣреніе наше создать атмосферу взаимнаго довѣрія, взаимнаго ознакомленія, и взаимнаго желанія быть собратіями. Въ такой атмосферѣ намъ было бы легче вѣрить въ другихъ, въ самомъ выгодномъ для нихъ свѣтѣ, ни мало тѣмъ не уменьшая значенія настоящихъ причинъ нашей отчужденности.

Требованія *Quarterly*, чтобы его сотрудники изъясняли и защищали свое собственное христіанское исповѣданіе созидательнымъ образомъ, очень трудное испытаніе. Это — дѣло требующее деликатности, трудное и опасное. Это созиданіе самаго сложнаго и возвышеннаго характера. Когда люди защищаютъ принятую ими точку зрѣнія, невозможную и обидную для другихъ, соблазнъ потерять самообладаніе слишкомъ силенъ, тѣмъ болѣе если разрушительные по тону отвѣты не допускаются. Но по мѣрѣ терпѣливаго, наступательнаго движенія нашей вѣры и мужества, мы по всей справедливости можемъ ждать, что напряженіе уменьшится, когда мы ближе узнаемъ другъ друга и родственныя узы между нами окрѣпнутъ.

Девизомъ графа фонъ Мольтке было «идите врозь, сражайтесь вмѣстѣ», во всей его стратегической дѣятельности. Чтобы быть увѣреннымъ, что нападеніе будетъ единодушнымъ, этотъ великій фельдмаршалъ пускалъ въ дѣло личную инициативу и дарованія отдѣльныхъ людей и армій. Такъ неужели же отдѣльнымъ сынамъ христіанства навсегда суждено въ разбродѣ бороться съ врагами человечества? Неужели жъ даже собравшихъ вмѣстѣ противъ врага угрожающаго самымъ устоямъ семьи и общества, мы всетаки не положимъ основанія къ еще болѣе тѣсному еди-

ненію? Разъ церкви христіанскія рѣшатся посвятить всю свою жизнь на то, чтобы понять другъ друга во Христѣ и Его Церкви, кругъ ихъ вліянія и власти расширится такъ, что ихъ не выразить никакой военной метафорой. Объединенное христіанство будетъ несравненно сильнѣе всѣхъ своихъ частей, потому что оно будетъ проявленіемъ самаго духа христіанскаго, о чемъ молился самъ Христосъ.

Constructive Quarterly признаетъ необходимость, о которой говоритъ всякая Церковь, съ опредѣленной организаціей, — необходимости воздѣйствія всего христіанства на родъ людской!

Онъ признаетъ, что обязанность свидѣтельствовать о Христѣ распространяется на все христіанство, что необходимость этого свидѣтельства распространяется на все человечество и что только единодушное свидѣтельство можетъ удовлетворить всемірный запросъ.

Quarterly не намѣревается дѣлать пропаганду какой либо системы для воссоединенія христіанскихъ церквей. Редакція его воздержится отъ всякихъ эдиктовъ. Онъ просто предлагаетъ себя въ видѣ форума, въ которомъ разъединенныя Церкви христіанскаго міра могли бы представить себя другъ другу посредствомъ бесѣды о предметахъ считаемыхъ ими насущно необходимыми для христіанства.

Quarterly приглашаетъ всѣхъ къ свободной, живой и обдуманной бесѣдѣ о предметахъ дѣйствительныхъ и дѣйствующихъ вѣрованій.

Имъ поставляются два условія: Во первыхъ, Вѣра, Дѣла и Мысли каждаго исповѣданія должны быть представлены таковыми какъ онѣ есть въ дѣйствительности, не избѣгая, а напротивъ, включая вопросы насчетъ которыхъ Церкви не согласны; во вторыхъ,

въ статьяхъ не должно быть полемическихъ нападокъ другъ на друга.

Журналъ предлагаетъ, чтобы авторы выражали вполне опредѣленно всѣ свои согласія и несогласія, чтобы они старались ихъ объяснять и защищать такъ, чтобы всякій интересующійся дѣломъ, могъ узнать въ чемъ несогласія состоятъ и что они собою представляютъ, такъ чтобы всякій могъ уважать ихъ, чтобы можно было цѣнить и хранить все, что въ нихъ есть вѣрнаго и полезнаго, а такъ же разобрать, что въ нихъ есть вреднаго и ложнаго и стать выше всего такового. Такимъ образомъ мы надѣемся поощрять и возбуждать въ людяхъ преданность къ своимъ убѣжденіямъ, въ особенности къ убѣжденіямъ объединяющимъ тѣ религіозныя общины, которымъ люди обязаны быть вѣрными. Это основывается на томъ основномъ принципѣ, что вѣрность убѣжденіямъ и смѣлость ихъ имѣть совершенно необходимы и съ той и съ другой стороны для того, чтобы между ними возможно сдѣлалось взаимное пониманіе и довѣріе.

Quarterly долженъ быть совершенно неофициальнымъ. Церкви не отвѣчаютъ да и не могутъ отвѣчать за него, въ силу самой природы вещей.

Quarterly отвѣчаетъ за авторовъ, допускаемыхъ на его страницы, но за все отвѣчаютъ только сами авторы.

Въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, Редакторъ былъ у многихъ выдающихся ученыхъ и государственныхъ людей пяти различныхъ націй и говорилъ съ ними. Совѣтъ Редакторовъ набранъ среди мыслящихъ, ученыхъ и дѣловыхъ людей, но не въ качествѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а въ качествѣ членовъ того или другого христіанскаго исповѣданія, въ слѣдствіе чего они и могутъ служить какъ представители вѣрованій объединяющихъ религіозныя общины. Этого требуетъ самая цѣль, съ которой основанъ *Quarterly*, предназначеніе котораго служить посредникомъ для обмѣна идей между организованными христіанскими корпораціями, че-

резъ посредство отдѣльныхъ представителей. *Quarterly* предназначается вообще для читающей публики, а не для отдѣльныхъ профессиональныхъ или официальныхъ круговъ. Въ этомъ дѣйствительно общечеловѣческомъ смыслѣ это будетъ популярный, а не только специальный или научный журналъ.

Совѣтъ Редакторовъ общается находить сотрудниковъ для *Quarterly* каждый въ своей сферѣ; и сферы, на которыя распространяется *Quarterly* будутъ расширяться по мѣрѣ того, какъ новыя имена будутъ записываться въ Совѣтъ, особенно на европейскомъ континентѣ и на востокѣ.

Такой Совѣтъ представителей найдетъ возможнымъ доставлять статьи писателей со всѣхъ частей христіанскаго міра. Но Совѣту этого рода не возможно было бы ни съѣзжаться для совѣщаній, ни обсуждать дѣла посредствомъ переписки. Вслѣдствіе этого Редакторъ беретъ на себя отвѣтственность за ошибки разнаго рода, которая обыкновенно составляетъ обязанность всякаго мѣстнаго Совѣта. Но если у Совѣта и нѣтъ связывающей всѣхъ членовъ отвѣтственности, у него будетъ связывающее всѣхъ его членовъ вліяніе, посредствомъ представительнаго сотрудничества членовъ его, по выбору авторовъ и темъ для статей, а такъ же посредствомъ постепенной выработки самого духа и атмосферы необходимыхъ для созидательнаго христіанства.

Ближайшая задача *Quarterly* помочь заинтересованнымъ сторонамъ понять другъ друга и создать болѣе правильное чувство, что всѣ мы собратія другъ друга. Отдаленная же его окончательная задача есть единство дѣтей Господнихъ въ Тѣлѣ Христовомъ, въ которомъ осуществится освобожденіе дѣтей Господнихъ.

Редакторъ.
(*Silas Mc Bee*).

Сужденіе критики о новомъ журналѣ. A Critic's Account of a New Magazine.

Широко распространенное вліяніе и авторитетъ редактора *Constructive Quarterly* доказывается тѣмъ, что въ первомъ своемъ номерѣ, этотъ журналъ помѣщаетъ статьи столькихъ замѣчательныхъ писателей: Д-ръ В. П. Дю Бозъ пишетъ о *Созидательномъ отношеніи къ Христіанству*; Вильфридъ П. Вордъ, редакторъ Дублинскаго Обозрѣнія, пишетъ о *Единствѣ среди Христіанъ*; Его Высокопреосвященство Архіепископъ Платонъ такъ же даетъ въ этомъ номерѣ отвѣтъ на просьбу господина Макъ Би писать для его журнала, отвѣтъ уже появившійся въ Американскомъ Православномъ Вѣстникѣ около года назадъ; д-ръ Фридрихъ Лофсъ даетъ много цѣнныхъ свѣденій относительно настоящаго смысла Лютерова *sola fide*, ученія о спасеніи черезъ одну вѣру; Жоржъ Гоайо, помощникъ редактора *Revue des deux Mondes* сообщаетъ много интереснаго о *Французской церкви въ наши дни*, хотя его сужденія о цѣляхъ и задачахъ французскаго правительства не совсѣмъ справедливы; Джонъ Винъ, членъ общества іезуитовъ, даетъ подробности *Реформъ Пія X*; Д-ръ Шайлеръ Матьюзъ и Д-ръ Макъ Коннелъ рисуютъ различныя стороны американскаго протестантизма; Оксфордскій богословъ Вильямъ Сандэй провозглашаетъ идеаль всенароднаго мира; Д-ръ Бэконъ пишетъ объ апостолѣ Павлѣ; Членъ Британскаго Парламента Гендерсонъ пишетъ о *Религии и Рабочемъ вопросѣ*; и Д-ръ Р. Е. Спиръ описываетъ личность Генри Клэй Тромбула, какъ *Америк. Святаго*.

Не менѣе замѣчательно и то, что хотя авторы этихъ статей принадлежать къ совершенно различнымъ вѣроисповѣданіямъ и религіознымъ движеніямъ, представляющимъ контрастъ другъ съ другомъ, если даже не вполне антагонистичнымъ, однако сами статьи носятъ ясный отпечатокъ идеи стремленія къ х р и с т і а н с к о м у

It is a proof of the large influence and authority of its Editor, that *The Constructive Quarterly* is able to include in its first number contributions from so many distinguished writers: Dr. W. P. Du Bose, who writes of "The Constructive Treatment of Christianity;" Mr. Wilfrid P. Ward, Editor of The Dublin Review, who writes of "Union among Christians;" Archbishop Platon, who writes an authoritative "Message from the Russian Church", which was published in these columns about a year ago; Dr. Friedrich Loofs, who has much of value to say of the true meaning of Luther's teaching that "We are justified by Faith *alone* (*sola fide*);" M. Georges Goyau, Assistant Editor of *La Revue des deux Mondes*, who gives very valuable information concerning "The Church of France to-day," though he does not quite do justice to the aims and purposes of the French Government; Rev. John J. Wynne S. J., who details the "Reforms of Pius X;" Dr. Shailer Mathews and Dr. McConnell, who illustrate sides of American Protestantism; Dr. William Sanday, of Oxford, who upholds the ideal of World Peace; Dr. Bacon, who writes of St. Paul; Arthur Henderson M. P., who speaks of Religion and Labour"; and Dr. R. E. Speer, who describes Henry Clay Trumbull as "An American Saint".

Not less remarkable is the fact that all these articles, though they come from writers of different Churches and religious movements, strongly contrasted if not sharply antagonistic, yet clearly bear the impress of the idea of progress toward Christian unity, which is the inspiring principle of *The Constructive Quarterly* and its reason for being. Through all these articles written with the knowledge that they were to be printed side by side with

единству, которая вдохновляет *Constructive Quarterly* и есть причина его появленія. Черезъ всѣ эти статьи, авторы которыхъ знали напередъ, что онѣ будутъ помѣщены рядомъ съ статьями представителей иныхъ исповѣданій, проходитъ очевидное, всѣмъ общее идеалистическое стремленіе стать на широкую точку зрѣнія и понять другихъ, при помощи сочувствія. Несмотря на это статьи намѣренно касаются спорныхъ пунктовъ такъ же какъ и тѣхъ, относительно которыхъ всѣ согласны; онѣ касаются всего что даетъ самую жизнь вѣрованіямъ и обычаямъ отдѣльныхъ религиозныхъ общинъ. Идеаль всѣхъ не однообразіе и не чрезчуръ терпимая уступчивость. Идеаль ихъ скорѣе созвучіе чѣмъ однозвучіе.

Во всѣхъ этихъ прекрасныхъ статьяхъ въ большей или меньшей степени замѣтны — какъ направленіе ведущее къ единству, такъ и направленіе ведущее къ разнообразію. Если мнѣ позволено будетъ сдѣлать общее заключеніе, быть можетъ, вѣрнѣе всего будетъ сказать, что эти два направленія заключаются, съ одной стороны, въ религиозномъ опытѣ, въ духовномъ обновленіи жизни, сердца и воли, которое совершаетъ въ насъ Духъ Христовъ, а съ другой стороны, въ опредѣленіи и анализѣ этого опыта и отчетѣ о немъ, который дѣлается нашимъ разсудкомъ. Религиозный опытъ ведетъ къ единству во Христѣ. А разныя формы, посредствомъ которыхъ нашъ разсудокъ описываетъ этотъ опытъ, ведутъ къ разнообразію, соотвѣтственно съ типами разума разныхъ націй: Греческой, Римской, Тевтонской и т. д.

Мы легко можемъ пояснить это примѣромъ. Не найдется на свѣтѣ двухъ болѣе несходныхъ людей, чѣмъ, на примѣръ, Францискъ Ассизскій и Мартинъ Лютеръ. А между тѣмъ какъ они близки другъ къ другу.

«Лютеръ задается вопросомъ на чемъ можетъ христіанинъ, постоянно наблюдающій свое собственное несовершенство и грѣховность, основать увѣренность въ томъ, что его

those of the representatives of other communions, there is visible a definite striving toward the ideal of breadth of view and the sympathetic understanding of others; yet the articles intentionally embody points of difference as well as points of unity: all that is deemed most vital in the belief and practise of each religious communion. The ideal is not uniformity or over-tolerant concession. It is harmony rather than unison.

All these valuable articles show, in varying degrees, both the tendencies which make for unity and the tendencies which make for diversity. If one may venture a generalization, perhaps it would be close to the truth to say that these two tendencies are, on the one hand, religious experience, the spiritual renewal of life, of heart and will, which is wrought in us by the Spirit of Christ; and, on the other, the definition and analysis of this experience, and of the records of it, by our intellects. Religious experience makes for union in Christ. The different expressions of that experience by different intellects make for diversity, a diversity corresponding to the different types of intellect, Greek, Roman, Teutonic, and so forth.

We can easily illustrate this. For example, no two men could well be more different than Francis of Assisi and Martin Luther. Yet how close they come, through religious experience. "Luther is concerned with the question on what the Christian, who again and again observes his own imperfection and sin, can base the assurance that he has a gracious God, that he can be certain of the love of God. It is this question which is answered by the *sola fide*, 'by faith alone;' the faith with which we have here to do is nothing other than the trust in God's grace in Jesus Christ, nothing other than the taking to oneself the forgiveness of sin which God for Christ's sake offers to man" (p. 37-8). Compare with this the following: "Francis once, at the time of the beginning of his new life, looking

Богъ милостивъ, что онъ можетъ быть увѣренъ въ любви Божіей. На этотъ вопросъ и служить отвѣтомъ *sola fide*, т. е. одной только вѣрой. Вѣра о которой говорится здѣсь есть ничто иное какъ упованіе на Божественную благодать во Іисусѣ Христѣ, ничто иное какъ желаніе приобрести прощеніе грѣховъ, предлагаемое человеку Богомъ, во имя Іисуса Христа» (37—38 ст.). Сравните съ этимъ слѣдующее: «Разъ, въ началѣ его новой жизни, оглядываясь на свою дурно проведенную юность, Францискъ повторялъ молитву мытаря: Господи, милостивъ буди мнѣ грѣшному. Вдругъ неизреченная радость наполнила душу Франциска, увѣренность въ прощеніи всѣхъ его грѣховъ снизошла на него, увѣренность въ новой жизни въ благодати Господней сдѣлалась его достояніемъ» (47—48 ст.). Эти два параграфа взяты изъ статьи Д-ра Фридриха Лофса.

Д-ръ Шайлеръ Матьюзъ пишетъ въ томъ же тонѣ: «Такой перемѣной въ точкѣ зрѣнія и методѣ изученія Божія среди выдающихся богослововъ мыслителей закладывается фундаментъ, на которомъ можно будетъ воздвигнуть евангелическую проповѣдь, въ коей будетъ воплощаться не теорія относительно Библии, но настоящій религіозный опытъ и идеалы выражаемые въ Библии» (105 стр.). И далѣе: «Чѣмъ больше мы будемъ обезпечивать наши церкви..., тѣмъ больше онѣ будутъ терять духовное вдохновеніе. Церковь, которая хочетъ быть способной къ дѣлу, прежде всего должна искать Бога. Какъ не нуждаемся мы въ улучшеніи нашего церковнаго порядка, мы еще больше нуждаемся въ пророческомъ служеніи, которое бы привело насъ къ болѣе полному единенію съ Богомъ и къ усовершенствованію въ насъ способности понять дѣйствительность тѣхъ громаднѣхъ скопленій богатствъ духа, которыя находятся какъ разъ за предѣлами нашей сознательной дѣятельности» (120 ст.). «Мы начинаемъ убѣждаться, что Церковь заключаетъ въ себѣ болѣе чѣмъ только ортодоксальныя или ере-

backward over his badly spent youth, repeated many times in prayer the words of the Publican: God be merciful to me a sinner. Then an unspeakable joy began to fill the soul of Francis, certainty of the forgiveness of all his sins came upon him, confidence for a new life in the grace of God was given him" (p. 47-8). These two passages are from the article by Dr. Friedrich Loofs.

The same note is struck by Dr. Shailer Mathews, who writes: "In this change of attitude and method in biblical study there is being laid among the leading theological thinkers a foundation upon which to erect an evangelicalism that shall embody not a theory about the Bible but the actual religious experience and ideals which are recorded in the Bible" (p. 105). And again, "The more we try to make our churches impersonal..., the more will they lose spiritual inspiration. A church that seeks efficiency must first seek God. However much we need better organization in our churches we need more a prophetic ministry to lead men into fuller cultivation of the power to realize that vast spiritual reserve which lies just beyond conscious action" (p. 120). "Then, too, the fact that we are coming to see that the church stands for more than orthodoxy or heresy is already forcing us to emphasize the more serious aspects of a refusal to live the life of Jesus" (p. 121). And finally, "We are not trying to draw each other from one radius on to another, but we all face the centre of the great circle of Christianity, Jesus Christ; and we are finding that the nearer we move toward Him the nearer do we find ourselves together" (p. 114).

The same thought is beautifully expressed by Dr. Du Bose: "What we want is not to know Truth, Beauty, and Goodness — though that is necessary by the way; it is to be true, beautiful, and good. We want God in us and with us, — not immanently and naturally as He is in everything, but person-

тическія ученія, и уже одинъ этотъ фактъ заставляеть насъ настаивать на всей важности послѣдствій для тѣхъ, кто отказывается жить какъ Иисусъ» (121 ст.). Въ заключеніе: «Мы не стараемся сбить другъ друга съ одного радіуса на другой, но все стоимъ лицомъ къ самому центру великаго круга христіанскаго — Иисусу Христу, и чѣмъ ближе мы подходимъ къ Нему, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что мы все вмѣстѣ» (114 ст.).

Д-ръ Дю Бозъ нашелъ красивое выраженіе для этой мысли: «Намъ слѣдуетъ не знать, что такое правда, красота и добро — хотя, къ слову сказать, необходимо и это: намъ слѣдуетъ *быть* правдой, красотой и добромъ. Нужно, чтобъ Богъ былъ въ насъ и съ нами, — не въ непроявленномъ естественномъ состояніи, въ которомъ Онъ находится во всемъ на свѣтѣ, но въ личномъ превосходящемъ естественное состояніи, въ которомъ Онъ находится въ тѣхъ, которые сами въ Немъ. Начало Евангелія есть Богъ во Христѣ, а конецъ его, что Богъ во Христѣ не только означаетъ Бога въ человѣчествѣ, но и есть Богъ въ человѣчествѣ, Богъ въ насъ. Подъ нами я подразумеваю не просто наше естество или природу, но наше сознательное, свободное, личное и жизненное бытіе» (стр. 14).

Такъ же замѣчательны результаты внимательнаго ознакомленія со всѣми этими богатыми вкладами, оставляющій живое впечатлѣніе, что религіозная жизнь христіанскаго міра послѣдніе годы стала много сильнѣе и глубже; впечатлѣніе общаго великаго пробужденія, которое повсемѣстно знаменуется тѣмъ, что у людей явилось болѣе полное сознаніе, что Спаситель нашъ живъ, что у Него непосредственное вліяніе и сила надъ нами. Какъ Д-ръ Шайлеръ Матьюзъ краснорѣчиво говоритъ: «Наше шествованіе — не безрукое водственное походженіе, и нами попрежнему править нашъ Кормчій».

Мы смѣло можемъ предсказать, что въ будущихъ номерахъ таковой духъ этого цѣннаго журнала станетъ еще яснѣе и опредѣленнѣе.

Чарльзъ Джонстонъ.

ally and transcendently as He is in those who are themselves in Him. The beginning of the Gospel is God in Christ, the end of it is that God in Christ not only means but is God in Humanity, God in Us. By Us I mean not our mere being or nature, but our conscious, free, personal, and living Selves" (p. 14).

There should also be put on record, as the impression gathered from a careful reading of all these valuable contributions, a vivid sense of a great strengthening and deepening of the religious life of Christendom within the last few years; the feeling of a great awakening, marked everywhere by a fuller realization of the Master's life, and of His immediate influence and power. As Dr. Shailer Mathews eloquently says, "we are journeying on no unguided adventure and our Captain is still in command."

We are confident that this spirit will show itself even more clearly and distinctly in future numbers of this very valuable Quarterly.

Charles Johnston.

«0»

БЛАГОДАРНОСТЬ ЭКЗАРХА БОЛГАРИИ.

По поводу Балканскихъ событій вѣтъ Епископальнаго Миссіонерскаго Общества въ составѣ семи восточныхъ штатовъ Америки послала всѣмъ четыремъ воюющимъ христіанскимъ церквамъ выраженіе своихъ симпатій и благожеланій.

Въ Епископальномъ "The Living Church" напечатанъ слѣдующій отвѣтъ экзарха Болгаріи Іосифа на имя епископа викарія штата Нью Гемпширъ:

«Преосвященному Edward Melville Parker, Епископу викарію штата Нью Гемпширъ и всѣмъ возлюбленнымъ братьямъ нашимъ во Христѣ, собору Епископальной церкви въ діоцезахъ Connecticut, Massachusetts, Rhode Island, Vermont, New Hampshire, Maine и Western Massachusetts, въ Новой Англіи въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Ваше Преосвященство и возлюбленные во Христѣ братья! Благодать, милость и миръ отъ Бога и Господа нашего Иисуса Христа со духомъ Вашимъ.

Мы чрезвычайно тронуты превосходными христіанскими выраженіями искренней симпатіи, которыя Вы передали намъ по указанію почтеннаго собора Вашей Американской вѣтви католической церкви, Октября двадцать третьяго текущаго года, по случаю совершающихся среди насъ современныхъ событій (contemporary events transpiring among us), когда въ героической борьбѣ за сладостную (sweet) свободу не мало нашихъ братьевъ и чадъ нашей св. Церкви, переживая высшую степень любви, положили жизнь свою за ближнихъ своихъ. Ваше сочувствіе раненымъ, страждущимъ и умирающимъ, а равно и всѣмъ тѣмъ, кто скорбитъ и оплакиваетъ павшихъ на полѣ брани за вѣру св. креста и за свое отечество, есть дѣло умиротворяющей любви Божіей, которая отъ силы въ силу могущественно укрѣпляетъ страждущаго за высокіе и святые идеалы во имя Единого Божественнаго Страдалца, пострадавшаго за спасеніе всѣхъ.

Въ выраженіе Вамъ чувствъ вызванныхъ во всѣхъ насъ Вашимъ почтеннымъ братскимъ письмомъ, мы, отъ имени нашей св. Церкви и всей Болгарской націи, изъявляемъ Вамъ наше глубочайшее почтеніе и просимъ принять за свидѣтельство нашей горячей и сердечной признательности за выраженное Вами сочувствіе намъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя переживаетъ наша нація, и за Ваши объединенныя (united) молитвы къ милости Божіей о прекращеніи войны и дарованіи нерушимаго мира намъ и всему міру. Въмѣстѣ съ симъ мы выражаемъ нашу непоколебимую увѣренность, что Богъ въ своемъ всеблагомъ промышленіи услышитъ и исполнитъ наши и Ваши общія молитвы во славу Пресвятаго Имени своего во вѣки.

Вслѣдствіе временныхъ затрудненій въ путяхъ сообщеній и другихъ обстоятельствъ, которыя причинили затрудненіе въ нашихъ сношеніяхъ съ управленіемъ нашей св. Церкви въ королевствѣ Болгарскомъ, мы сожалѣемъ, что невозможно было во-время сдѣлать то, что отъ насъ зависитъ, для того, чтобы Вашему почтенному письму подобающая публичность была дана между чадами всей нашей церкви; однако мы посылаемъ, вмѣстѣ съ настоящимъ, Ваше подлинное письмо Св. Синоду нашей св. Церкви

въ королевствѣ Болгарскомъ, съ просьбою кн нимъ принять необходимыя мѣры къ выполненію вышеупомянутаго весьма желательнаго намѣренія. Экзархъ Болгарскій Іосифъ».

І. П.

«0»

Только за 30 ц.

КАЛЕНДАРЬ—СПРАВОЧНИКЪ

(составл. прот. В. І. Туркевичемъ).

Въ этомъ Календарѣ-справочникѣ помѣщены всѣ важныя и необходимыя для каждаго русскаго челоука въ Америкѣ свѣдѣнія. Главная задача Календаря-справочника дать возможность каждому ознакомиться съ тѣми правилами, которыя онъ долженъ знать проживая въ Америкѣ. Въмѣстѣ съ данными по міровой статистикѣ, какъ-то: о главнѣйшихъ городахъ міра, населенія, устройствѣ и управленіи важнѣйшихъ государствъ и проч. въ Календарѣ-справочникѣ Вы найдете свѣдѣнія о конституціи и управленіи С.-Американскихъ Соед. Штатахъ, правѣ гражданства, законахъ объ иммиграціи, заграничныхъ паспортахъ, деньгахъ, мѣрѣ и вѣсѣ, о почтѣ и почтово-сберегательныхъ кассахъ, пересылочныхъ компаніяхъ, о составѣ и управленіи православной русской Епархіи въ Америкѣ, адреса русскихъ и другихъ консульствъ и масса другихъ крайне необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній.

Не откладывайте и обращайтесь по адресу:

“SVIT”, 166 Ave. A, NEW YORK, N. Y.

ПРОДАЮТСЯ ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ СНИМКИ

съ группы участниковъ освященія Семинаріи 17/30 Января 1913 года:
малаго размѣра 8×10 по \$1.00
большого 16×20 по 1.50
Доходъ отъ продажи въ пользу попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Семинаріи. Снимки очень удачны. Адресъ:

Russian Seminary, Box B, Tenafly, N. J.

Редакторъ,

Каѳедрабный Прот. А. Хотовицкій.